

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ВЕЧНАЯ РЕЦИРКУЛЯЦИЯ ЗНАКОВ

Аннотация. Материал посвящён поэтике моды, который проанализирован в монографии известного культуролога Инны Осиновской [1]. Отмечается, что мода могла возникнуть только в обществе, которое располагает хотя бы минимальным излишеством. В книге исследуется «словарь» глянцевого журналов и пресс-релизов. Но одновременно актуализирован также мир древних мифов и старинных сказок. Эти образы почти всегда окружены тайной. Главная цель, которую ставит автор монографии, состоит в том, чтобы изучить поэтику моды, её образную систему. Автор пользуется принципом историзма, позволяющим включить в анализ современной моды множество мифов, сказок. В результате в сферу поэтики моды добавляется значительный литературный материал. Складывается впечатление, что о моде написано много работ. Однако внимательное изучение темы показывает, что некоторые аспекты моды вообще не получили освещения. В частности, образный строй моды, её особая поэтика исследованы недостаточно. Обращаясь к данной теме, автор показывает, что общего между книгой рецептов, глянцевого журналом и жертвоприношением, между подиумным показом и священным ритуалом. Исследованы типичные сказочные персонажи – пряжа, портной, башмачник. Влияние этих образов прослежено в поэтике современной моды. Таким образом, удалось выявить внутреннюю связь между фольклором и современной литературой.

Ключевые слова: поэтика, мода, образ, гламур, роскошь, культ, симулякр, вещи, праздник, литература.

Abstract. The article is devoted to the poetics of fashion as it is analyzed in the monograph of a fashion culture expert Inna Osinovskaya. It is noted that fashion could be created only in the kind of society that had at least some redundancy of things. In her book Osinovskaya analyzes the 'vocabulary' of glossy magazines and press releases. At the same time, fashion brings forth the world of ancient myths and old fairy-tales which images have been always inwrapped with mystery. The main purpose of Inna Osinovskaya is to analyze the poetics of fashion and the system of images in fashion. In her research Osinovskaya applies the principle of historicism allowign to include numerous myths and fairy-tales in the analysis of modern fashion. As a result, considerable literary texts have been included in the spghere of fashion poetics. A lot of researches seem to have been written on the topic of fashion. However, thorough analysis of the topic demonstrates that there are a lot of fashion aspects that have never been studied. In particular, the graphic structure of fashion and singular poetics of fashion. Appealing to this topic, the researcher shows what a recipe book, glamour magazine and sacrifice, catwalk show and sacramental rites have in common. Osinovskaya studies typical fairy-tale characters such as the spinstress, tailor and shoemaker. She traces back the influence of these images on the poetics of modern fashion. Thus, the researcher manages to show the internal relationship between folklore and modern literature.

Key words: poetics, fashion, image, glamour, luxury, cult, simulacrum, things, holiday, literature.

Мода – современный всевластный деспот. Её возвеличивают и прославляют. Она сама заставляет людей разных континентов неуклонно следовать её императивам. Мода приглашает нас в заморские приключения, прельщает новизной, которая извлечена из прошлых веков. Она постоянно проникает в нашу повседневность и указывает на неоспоримые предпочтения жизни. Мода будит в нас неосознаваемые образы, потаённые желания.

Ушло то время, когда великие мыслители снисходительно похлопывали моду по плечу. Кант

определял её как такое подражание, которое совершенно не принимает во внимание соображения пользы [2, с. 277]. Её надобность он связывал с человеческим тщеславием, которое принуждает следовать общему образцу. Впрочем, немецкий философ всё же соотносил моду с категорией вкуса. Но склонялся к мысли, что лучше быть глупцом по моде, чем глупцом не по моде. Таков образец юмора одного из великих мыслителей человечества.

Автор книги «Поэтика моды» [1] - **Инна Осиновская** - не намеревалась писать историю моды, модных домов, модных эпох. Не входило в её планы

и тяжеловесное философствование о моде в духе Ж. Бодрийера. Словно отвечая на рассуждения Канта, этот философ писал: «Экономика так сильно утвердила среди нас свой принцип пользы, так сковала нас своим требованием функциональности, что всё выходящее за эти рамки легко приобретает аромат игры в бесполезность» [3, с. 182]. Не слишком увлекают автора и социологические аспекты темы в духе Г. Зиммеля.

Так о чём же книга? Исключительно о своеобразных кодах моды, о той образной системе, которая её сопровождает. И этот ракурс оказался неистощимо интересным. Инна Осиновская подступает к теме через поэтику моды, через присущие ей коды, шифры, образы. Так рождается возможность обнаружить и высветлить различные связи, которые так неотступно соотносятся с человеческой жизнью. Инна Осиновская пробует «...заглянуть в область “неглянцевого” языка художественной литературы и посмотреть, откуда в современных представлениях о моде, в повседневном отношении к ней возникли те или иные архетипические модели» [1, с. 10].

Свой замысел И. Осиновская реализовала в полную силу. Присущий ей образный, тщательно выверенный язык делают книгу бесценной. Вчитавшись в первые строчки, вы уже не захотите выключиться из этого потока знаков и символов. Вы прикоснетесь к глубинным и таинственным смыслам человеческого бытия. Пусть мода – символ легкомысленности. Но разве философии не пристало заглядывать в глубины житейских подробностей и обеспечивать на этом материале возгонку шифров и смыслов?

Мода – последний писк новизны. Так думают многие. Но суть моды как раз в том, что она возрождает утраченное, списанное, когда-то заклеянное как старомодное. Теперь вот, прорвав пыль веков, она блещет своей притворной свежестью. Так рождается непрерывный поток новаций, поражающих своей фееричностью. По сути же это самая рутинная дециркуляция знаков, обладающая магией предельной актуальности. Повторение далеко не всегда служит приметой архаики. Чаще всего оно выступает под шифром непривычности и легко воспринимается как «самое злободневное».

Однако ошибётся всякий, кто будет полагать, будто этот процесс движения моды носит плавный и бесконфликтный характер. Напротив, история этого феномена раскрывает драматические и даже трагические стороны жизни. Кризис – неизбежный спутник моды. Никому не дано ворваться в пространство моды с предельным убеждением победы. Целый реестр сложно-

стей возникает на пути новшеств. В моде всегда ощущается острый кризис идей, задумок, прельщений. Зачастую мода суетливо предлагает миру безвкусицу, откровенную архаику, банальность. В этом смысле мода – это вечное движение вспять с отважным замыслом «перешифровки» в соответствии с иными временами.

Конвейер моды сопровождается вечной нехваткой идей. Её метафизическим аналогом может служить суждение С. Кьеркегора о том, что повторяемость – это «сама действительность». Однако речь вовсе не идёт о том, что мода выносит на подмостки уже давно заявленные исторические сюжеты. Парадоксальность в том, что под видом старины выступает условное время, которого не было в действительности. Но оно может притвориться самой что ни есть подлинностью, конкретностью и даже онтологичностью. Мода посягает и на будущее. Она создаёт символику грядущего и захватывает новые исторические просторы за пределами «настоящего».

Когда исследователи говорят о том, что мода порождена подражанием, то сразу возникает много вопросов. Что представляет собой этот механизм? Кому или чему платит дань мода? Кто, вообще говоря, творит моду или она является производным от коллективного бессознательного? Действительно ли мода представляет собой знаковую систему или эта сфера ограничена в ней, скажем, только сферой одежды? Что порождает периодическую смену образцов культуры и массового поведения? Отчего мода захватывает разные стороны жизни человека? Как рождается стиль внутри моды?

Аналитические способности автора монографии очевидны. Она, к примеру, пишет: «Бормотанье моды призвано вследствие своей тотальности, а значит, асоциальности, аполитичности, аморальности превратить человека в тело-объект. Вступая в ситуацию моды, человек перестаёт принадлежать к определённой социальной группе, нации и т.д.; он становится лишь телом-вещью, играющим с модой и стремящимся вместе с ней к мгновению и вечности» [1, с. 18].

По мнению Инны Осиновской, моду можно считать субкультурой, которая отрицает чужие правила и учреждает собственные. К такой мысли склонялись Й. Хейзинга и А.Б. Гофман в книге «Мода и люди» [4]. Автор рецензируемой книги расшифровывает многие понятия, которые соотносятся с анализом моды: гламур, симулякр, власть. Дилетанту может поместиться, что мода служит красоте. Но это заблуждение. Мода может обслуживать и притязания безобразного. Лишь бы оно несло в себе очередное прельщение. Эстетика моды подчиняется эпатажу.

Именно поэтому мода смешивает гламурные коды. Она не видит ничего запретного в том, что эксплуатирует темы старости, инвалидности, избыточности веса. Гламур, в частности, обрёл новые импульсы, перейдя границы табуирования, врываясь в те сферы, которые прежде оставались скрытыми от массовых запросов. Соблазны деформируют эстетические каноны. «Исчезло искусство в смысле символического соглашения, - отмечает Ж. Бодрийяр, - отличающего его от чистого и простого производства эстетических ценностей, известного нам под именем культуры - бесконечного распространения знаков, рециркуляции прошлых и современных форм» [5, с. 23].

Та самая роскошь, которую живописали классики французской литературы, приобрела в наши дни новые черты. С одной стороны, и это рассуждает Инна Осиновская, настало время рациональной роскоши, практичной и осмысленной. С другой стороны, она становится подчас безумно-показной, нелепой, расточительной. Забыты разумные остережения мудрецов, связанные с роскошью. Сократ и Платон прекрасно понимали негативные последствия диктата роскоши. Руссо отмечал, что она одинаково пагубна как для богачей, так и для бедняков. Богача она развращает обладанием, бедняка свращает вожделением.

Полвека назад вряд ли кто-нибудь мог предположить, что люди станут выкладывать в социальные сети сообщения о том, что они ели и что из вкусного вообще предпочитают. Сексуальная революция, прошумев на всех континентах, утратила свою манкость. Теперь в моде - гурманство. В наши дни в поэтическом поле моды легко находят себя телесные радости. «Ассоциация моды с едой, - пишет Инна Осиновская, - становится очевидной, когда дело доходит до описаний. Стилистические советы в глянцево-журналах построены по принципу рецептов. Модный look (образ, вид, далее везде - «лук»), или общий спектр тенденций нового сезона, - это комплекс подходящих друг другу ингредиентов, многослойный пирог» [1, с. 55].

В связи с модой и в силу чисто эстетических причин в наши дни изменились и запросы к литературе. Ушёл в прошлое классический роман с его техникой реалистического повествования. Теперь писатели отказываются от психологических и социальных императивов. Особую ценность в рома-

нах приобретает описание вещей. Авторы отныне стараются охарактеризовать своих персонажей через мир окружающих его предметов. Но в ряде случаев вещи обретают самостоятельный смысл, уже не связанный напрямую с психологическими состояниями персонажей. Инна Осиновская пишет: «Окружающие нас вещи не исчерпываются функциональностью. Им присущи свои мифы, своя поэтика. Форма и назначение одного и того же предмета сильно варьируются, что не позволяет дать ему чёткого определения» [1, с. 67]. Но автору удаётся и без определения обеспечить красочное представление о вещах, опираясь на реальную фактуру моды. Так, шкаф как домашний предмет получает в книге любопытную экспертизу. Оказывается, как и мироздание, он сложен по своей структуре. Его можно, к примеру, рассматривать как вместилище воспоминаний. Достаточно обратиться к монологу Гаева из «Вишневого сада». В поэтике шкафа, тонко подмечает автор книги, присутствует и образ смерти.

В России представление о модном писателе сложилось в XVIII в. Нередко словосочетание «модный писатель» звучало как ирония. Напомним, что Пушкин имел огромную популярность в молодые годы. А «зрелый Пушкин» явно «вышел из моды». Оказаться востребованным тот или иной литератор может в силу разных причин. Но представления о моде играют в этом процессе не последнюю роль.

Даже сказка не остаётся для мира моды недосягаемым убежищем. Здесь тема смерти получает самую неожиданную разработку. Царство мёртвых охраняется стражами. Мир живых и мир мёртвых располагает собственной символикой. Мода вбирает в себя мифические и сказочные проекции. Автор книги не пересказывает волшебные сюжеты. Зато даёт серьёзную характеристику различным сказочным персонажам, вобравшим в себя архетипический смысл (плут, башмачник и т.д.). Так, через плотность вещей сказка обретает особые измерения, раскрывает новые горизонты понимания. Сказочно-мифологические компоненты углубляют магию моды.

Книга Инны Осиновской, несмотря на расхожесть моды как социального, психологического феномена, занимает особое место в её феноменологии. Талант исследовательницы позволил ей соединить историю и современность, сюжетность и поэтику, моду и вселенское содержание литературы.

Список литературы:

1. Осиновская Инна. Поэтика моды. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 144 с.
2. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч. в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 137-376.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: КДУ; Добросвет, 2006. 389 с.
4. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 4-е изд., испр. и доп. М.: КДУ, 2010. 227 с.
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: КДУ, 2006. 258 с.

6. Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Общ. ред. и вступ. ст. д. филос. н. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
7. Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 608 с.
8. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 350 с.
9. Хёйзинга Й. Осень средневековья. М.: Наука, 1988. 540 с
10. Воронина О.А. Мода как фактор гендерной идентичности // Психология и Психотехника. – 2013. – 10. – С. 950 – 960. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.10.9728.

References (transliterated):

1. Osinovskaya Inna. Poetika mody. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 144 s.
2. Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya // Kant I. Soch. v 8 t. T. 7. M.: Choro, 1994. S. 137-376.
3. Bodriyar Zh. Simvolicheskii obmen i smert'. M.: KDU; Dobrosvet, 2006. 389 s.
4. Gofman A.B. Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya. 4-e izd., ispr. i dop. M.: KDU, 2010. 227 s.
5. Bodriyar Zh. Prozrachnost' zla. M.: KDU, 2006. 258 s.
6. Gadamer Kh.G. Istina i metod. Osnovy filosofskoi germenevtiki / Obshch. red. i vstup. st. d. filos. n. B.N. Bessonova. M.: Progress, 1988. 704 s.
7. Zimmel' G. Izbrannoe: v 2 t. T. 2. Sozertsanie zhizni. M.: Yurist», 1996. 608 s.
8. Smit A. Teoriya нравstvennykh chuvstv. M.: Respublika, 1997. 350 s.
9. Kheizinga I. Osen' srednevekov'ya. M.: Nauka, 1988. 540 s
10. Voronina O.A. Moda kak faktor gendernoi identichnosti // Psikhologiya i Psikhotehnika. – 2013. – 10. – С. 950 – 960. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.10.9728.